

ИНТЕРВЬЮ ГУМАНИТАРНОМУ АЛЬМАНАХУ «ЧЕЛОВЕК.RU»

Тема второго номера гуманитарного альманаха «Человек.RU» посвящена проблеме институционализации антропологии. Эта проблема не только слабо разработана в антропологических концептах, но даже слабо поставлена, в том числе в целом в разработках и исследованиях. Если мы спросим себя, есть ли у нас институты гражданского общества, институт государственной власти, институт общественной экспертизы, институт социального проектирования, то что мы ответим? Если спросим себя, выполняют ли свои культурные функции институт образования, институт церкви, институт семьи, то что скажем себе? В ответ получим либо негативные оценки, либо весьма проблемные и спорные суждения, либо – молчание.

Мы обратились к разным авторам с просьбой ответить на несколько вопросов в связи с этим. Вот какие ответы мы получили.

1. Как Вы понимаете саму проблему институционализации? Что есть институт в современном понимании? Не является понимание институтов в современном мире некоторой редукцией, одной из версий огосударствления и социализации?

Хоружий С.С. (директор Института Синергийной Антропологии, Москва):

Серьезный ответ на поставленные вопросы должен непременно учесть – и даже в первую очередь! – ситуацию за рубежом – а она разная весьма. В США наиболее развита, но и очень специфична, во Франции – своя, в Германии – еще другая, причем различия важны по существу, за ними – разная судьба и разное понимание антропологии в каждой из этих больших национальных культур. Только восстановить всю эту картину – задача для хорошего проблемного исследования (кстати, нигде не проделанного покуда, а нужного), а не для вопросника.

Что до институционализации, то здесь, боюсь, Ваше предприятие может не прояснить, а затемнить положение вещей, ибо искажает порядок проблем. Ключевое обстоятельство сегодня в том, что антропология (А-Я), антропологический дискурс, ныне в процессе самых существенных перемен, в трансформации – она ныне не конституирована как наука. И корректный порядок задач очевиден: СНАЧАЛА КОНСТИТУЦИЯ, А ПОТОМ ИНСТИТУЦИЯ! Нельзя институционализировать то, что еще внутренне не сформировалось, не конституировалось! Нельзя ставить телегу впереди лошади!

То есть, мы с Вами знаем, что в России и не то еще можно, и делается, и попытки институционализации не только возможны, но, верно, и происходят – но они, говоря по-английски, can only be abortive – негодны по сути и совершаются либо по глупости, либо с ненаучными целями.

В свете этого, мой Институт Синергийной Антропологии надо рассматривать, с одной стороны, как еще не зрелую «институцию», а скорей группу в процессе, на неких начальных стадиях продвижения к институционализации; с другой же стороны – как исключение, подтверждающее правило, ибо я сперва конституировал (наделил концептуальным каркасом, границами и программой) определенное, пусть весьма малое, направленьишко. Разумеется, происходящий антропологический поиск законно для себя создает, в том числе, и организационные формы – но на данных стадиях они еще не суть формы институциональные, и не должны таковыми быть.

Смирнов И.П. (профессор Университета г. Констанц, ФРГ):

Институционализация общества – следствие того, что оно историзовалось, освободившись от мифо-ритуального пребывания в циклическом хронотопе. Примордиальный социум держится прежде всего на обычае, а не на институциях,

если понимать под ними власть, специализирующую себя в своих отправлениях, то есть бюрократию. Задача институций – сократить и поставить под надзор расколовшуюся в линейной истории креативную энергию человека. В ценностно-функциональном плане институции в высшей степени амбивалентны: с одной стороны, они спасают общество от впадения в хаос, который мог бы быть вызван неконтролируемым соперничеством творческих индивидуальностей (что подчеркивал Arnold Gehlen); с другой – они подавляют развитие как логосферы, цензурируя ее, так и торгово-промышленного предпринимательства, облагая его налогом и разнообразными запретами (с чем боролся анархизм). Государство, возникающее в процессе историзации кланово-фратриального общественного порядка, представляет собой институционализацию самих институций, их освящение (поначалу через обоготворение правителя).

Ивонин Ю.П. (профессор Новосибирского государственного университета экономики и управления):

Редукцией – нет, огосударствления – вряд ли, а вот социализации – да. У институционализации есть две составляющие – когнитивная и социальная. В первом случае происходит образование предмета научной дисциплины, во втором случае – обособление научных коллективов и школ, выработка «школьных» регулятивов», включая многообразные средства идентификации (маркеры «свой – чужой», аргументы для посвященных, типы отношений учителя и учеников и т.д.). В современном обществе явно преобладает вторая составляющая, поскольку очень часто беспристрастное искание истины превращается в борьбу корпораций ученых за влияние и прочие блага. С точки зрения старомодной гносеологии предметная организованность познания есть неизбежный, но прискорбный случай ограниченности индивидуального и коллективного интеллекта, поскольку граница предметов условна, и они связаны отношением предельного перехода (их понятийный аппарат соизмерим).

В этом смысле институционализация знания – прежде всего факт из социологии. Гораздо реже – политологии. Институционализация научной дисциплины может быть поддержана политическими мерами (в СССР примером тому будет вычленение из марксистско-ленинской философии «теории научного коммунизма», в Германии – официальное признание оккультных дисциплин). Однако, государственное вмешательство – дело факультативное и второстепенное. Главное здесь – самоорганизация внутри научного сообщества, ведь за поддержкой к властям, не имеющим определенных научных предпочтений, обращается уже группа интеллектуалов, твердо знающая, чего она хочет и какими символами будет пользоваться.

Тульчинский Г.Л. (профессор кафедры управления Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств):

Для меня всякая институционализация – это форма динамики осмысления, развития идей. Взятая как процесс, в единстве смыслового и социально-организационного аспектов идей, динамика их институционализации предстает осуществляемой в несколько стадий развития нормативно-ценностных систем (НЦС) от идеи до института:

1. Стадия выработки нового осмысления. Характеризуется минимальной степенью организации. Коммуникация участников носит спорадически случайный и во многом лично-доверительный характер.

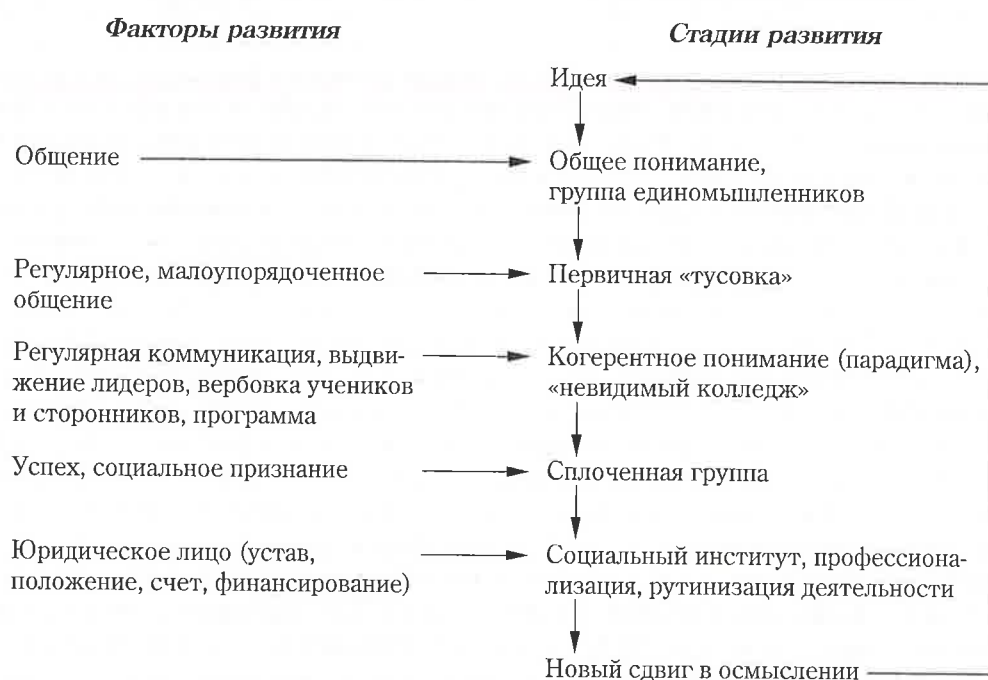
2. Стадия выработки когерентного понимания (коалиция). Характеризуется несколько большей устойчивостью связей и отношений между специалистами, которые начинают выделять себя как группу единомышленников. Подобная избирательность в общении «уплотняет» коммуникацию, хотя само общение носит слабо регламентированный характер – типа научной «тусовки».

3. Стадия парадигмы. Общение начинает носить систематический характер семинаров, конференций, переписки, обмена научными материалами на ранних стадиях (рукописи, препринты, заявки). Делаются попытки выработать программные материалы, прорваться в СМИ. Выдвигаются лидеры мнений. Примером этой стадии в науке являются «невидимые колледжи» в науке.

4. Стадия сплоченной группы (ассоциации). На этой стадии когерентное понимание уже фиксируется участниками деятельности в явной форме программного заявления. Коммуникация становится все более ограниченной рамками группы, в которой выделяются признанные лидеры, между которыми может существовать разделение сфер влияния. Лидер выступает центром, вокруг которого формируется группа. Именно он обычно выступает с программным заявлением, обеспечивает селекцию и интерпретацию информации. Важными моментами на этой стадии являются успех и социальное признание. Они свидетельствуют о развитии группы и обеспечивают социальный престиж (имидж) ее деятельности, а значит и постоянный приток сторонников и учеников. Привлечение учеников достигается обычно с помощью пропагандистской и популяризаторской деятельности, public relations, осуществляемых обычно либо самим лидером, либо под его контролем. Этой цели могут служить СМИ, периодические издания, постоянные семинары, конференции. Нередко создаются специальные центры (школы, курсы) подготовки специалистов в данной области. Явным становится отличие деятельности данной группы от материнской НЦС: группа становится либо элитарной, ведущей в материнской НЦС, либо «мятежной», отвергающей ортодоксальные установки. Причем во втором случае деятельность группы может оказаться либо тупиковой, либо дать начало новой традиции. По некоторым оценкам для «прорыва» старой традиции в науке необходима группа около 20 человек, а для создания новой традиции – от 500 до 1000 человек.

5. Стадия профессионализации. На этой стадии в НЦС фиксируется формальная организационная структура. НЦС становится специальностью (профессией) и обеспечивает не только подготовку учеников, но и их трудоустройство посредством открытия новых должностей или переориентации старых, создания трудовых коллективов. На этой стадии нередко образуется расслоение лидерства на формальное (по должности) и неформальное. Институционализация НЦС как профессии определяется следующими главными особенностями: (1) профессиональной ответственностью за производство, хранение, передачу и использование соответствующих социальных значений; (2) автономностью профессии в деле привлечения новых членов, их подготовки, повышения квалификации, контроля за их деятельностью; (3) установлением между данной НЦС и ее социальным окружением таких отношений, которые обеспечивали бы ей поддержку и охрану от непрофессионального вмешательства, важной становится роль известных (широкой общественности) ученых, репрезентирующих свою сферу в глазах публики и общественного мнения, СМИ; (4) стимулирование деятельности профессионалов на основе оценки качества их деятельности с точки зрения других профессионалов-экспертов. Стадия профессионализации характеризуется полной организационной вооруженностью НЦС вплоть до письменного кодекса поведения (устава, положения, должностных инструкций), статуса юридического лица (счет, финансирование и т.п.), высокой степенью упорядочения координационных и субординационных отношений (самостоятельное юридическое лицо или подразделение типа отдела или лаборатории в существовавшей структуре). Все прогрессирующая рутинизация деятельности зачастую приводит к формированию в ее недрах нового смыслового сдвига, развитие которого может привести к дальнейшей дивергенции системы.

Аналогичные стадии проходит развитие идей в науке, политике, искусстве, религии, бизнесе. Совсем не обязательно, чтобы каждая НЦС проходила все указанные стадии институционализации. Возможна стагнация на каждой из указанных стадий. Далеко не каждой НЦС удастся развиваться даже в стадию сплоченной группы, не говоря уже о наиболее развитой стадии профессионализации. Процесс институционализации идеи и соответствующих НЦС, взятых в единстве смыслового и социально-организационного аспектов, можно представить в виде схемы:

В науке базовой НЦС, исходной единицей развития выступает научная дисциплина, выражающая связь конкретной предметной области с возможностями ее исследования специалистами. Именно в дисциплине находит свое воплощение единство смыслового и социального аспектов институционализации НЦС науки.

Роль смыслового и социально-организационного аспектов институционализации в их динамике различна. На первых этапах ведущую роль играет смысловой аспект, на поздних – социальный. Формирование направлений, в том числе и становящихся впоследствии дисциплинами, осуществляется зачастую на начальных этапах так называемыми «маргиналами», «фанатиками-неудачниками», дилетантами – там, где нет дисциплины, специальности, не может быть и специалиста в строгом смысле слова. Однако, раз возникшее осмысление неизбежно вызовет те или иные формы социальной организации лиц его разделяющих – вплоть до в той или иной степени «борьбы за чистоту рядов». Разумеется, возможна ситуация, когда достаточно развитый организационный аппарат объединяет людей, не разделяющих единое осмысление, но это лишь будет свидетельством, что у истоков такой социальной организации некогда стояло когерентное осмысление «отцов-основателей».

Вокруг смыслового ядра НЦС выстраиваются структуры социальной институционализации, которые могут быть ранжированы от простейших межличностных отношений до развитых социальных институтов данного общества. Собственно смысловой аспект институционализации может рассматриваться как первоклеточка социально-организационной институционализации, как ее начальная стадия. Смысло-

вой и социально-организационный аспекты институционализации НЦС выражают различные стадии зрелости и становления деятельности, лежащей в основе социальных значений, причем – стадии, реализующие все смысловые уровни социального опыта. Поэтому институционализированные формы осмысления, рутинизированные в некоторые профессии, специальности и дисциплины, представляют собой отлившиеся в институциональные формы социальной организации виды осмысления. С этой точки зрения каждое научное понятие – это интеллектуальный зародыш научно-исследовательского института или лаборатории, а последние – суть институционализированные понятия.

Развитие идей предстает динамикой НЦС от осмысления на уровне личностного смысла (или личностных смыслов – на уровне когерентного понимания) к формированию социального значения вплоть до полной институционализации программы социальной деятельности, лежащей в ее основе.

Тыщенко В.П. (профессор Новосибирского государственного педагогического университета):

Проблему институционализации я формулирую так: как построить рядом с массовой классно-урочной системой образования, соответствующей предметно-дисциплинарной классической науке, – дополняющую ее систему, соответствующую проблемно-междисциплинарной, постнеклассической науке? Принципы институционализации антропология вкупе с антропологизацией институтов: в такой системе познание нужно увязать с самопознанием, воспитание с самовоспитанием, теорию с проектированием, проектирование с реализацией проектов (включая проектирование проектировщиков и реализаторов проектов). Эта система и будет институтом в обоих смыслах, которые отмечал еще В.Даль: 1. Воспитательное, учебное или ученое заведение или учреждение. 2. Узаконенье, устав, установление. Первое аналогично телу, второе – одухотворенной душе. Этот альтернативный существующим учреждениям и уставам системы образования новый, дополняющий институт может быть формой социализации, вплоть до огосударствления, формой индивидуации, вплоть до самоактуализации. В перспективе желательна синергия этих двух институциональных противоположностей.

Харламов А.В. (доцент Новосибирского государственного педагогического университета):

Проблему институционализации прежде всего следует понимать как проблему самоопределения какого-либо явления в общественной (гражданской) жизни какого-либо сообщества. Институт как понятие сформировался, как известно, давно и за время оброс множеством смыслов. Это относится и к современному пониманию «института». Так, в правовом плане институт – система юридических норм, регулирующих один из видов общественных отношений, а в социологическом плане – социальный механизм, обеспечивающий определённые социальные взаимодействия (и в этом смысле такими институтами как раз и являются государство, школа, семья и проч.).

Если же обратиться к вопросу об огосударствлении и социализации, то здесь можно заметить, что процесс огосударствления социальных институтов встречается достаточно часто в тех случаях, когда существование институтов становится выгодно государству (вследствие совпадения интересов) либо государство опасается независимого существования института и берёт его «под колпак». Тем самым социальный институт становится институтом государства, либо получает от него соответствующие «инвестиции».

Что касается социализации, то она, как известно, представляет собой процесс «творения личности» и всегда осуществляется с участием социальных институтов. По сути именно социализация и является основным смыслом существования института.

2. Можете ли Вы привести пример новых институций, которые сформировались за последние четверть века, на рубеже столетий? Есть ли примеры новых институтов в науке, в гуманитарной мысли?

Смирнов И.П.:

Ввиду того, что институции создает homo historicus, они пребывают в постоянном обновлении, не меняющем, однако, их сути, которая заключена в том, что они распределяют власть между несколькими учреждениями наподобие того, как происходит разделение труда. Наиболее интересной институциональной инновацией на Западе кажется мне появление в последнее время гражданских организаций (вроде Greenpeace или Human Rights Watch), контролирующих самый государственный контроль, придающих диссидентству учрежденческий статус, делающих общественность полноценным эквивалентом государственности (и иногда, как в случае Greenpeace, отвечающих насильем на всегдашнее бюрократическое насилие). В России, где гражданское общество было недавно задушено в зародыше, институциональные структуры инволюционируют в сторону усиления этатизма.

Ивонин Ю.П.:

Институций множество, как официально одобренных (попавших в перечень научных специальностей ВАК), так и признанных только в научном сообществе. В современной России научный журнал становится центром кристаллизации институций. В большей степени, чем в СССР, он превращается в место, где «чужие не ходят». Всевозможные научные фонды выполняют ту же функцию: это мало прикрытые «междусобойчики».

Тульчинский Г.Л.:

Если говорить о дисциплинах, то их выросло довольно много: от маркетинга до психосемантики. В конце прошлого – начале этого века оформился институт социального аудита – экспертизы социальной ответственности бизнеса. Путь от идеи социальной ответственности к социальным отчетам, учету их при оценке капитализации, а теперь уже и к переоценке самой природы бизнеса как формы социального партнерства за рубежом был пройден довольно быстро.

А сейчас на глазах формируется институт комплексной гуманитарной экспертизы.

Тыщенко В.П.:

Если брать весь XX век, то примером могут служить незримые, неформальные международные колледжи (см. историю ядерной физики, кибернетики, генетики, освоения космоса). В образовании наиболее интересен опыт Физтеха (Ленинградского, затем Московского, связанного с подготовкой кадров для ракетно-ядерной программы ВПК; затем Новосибирского университета). Но все это в России – «уходящая натура». Последняя четверть века в нашей стране – переход от угасающего старого к благим намерениям создать новое (национальные университеты, технопарки). О реализации намерений судить пока рано. Мы переживаем «ступень Эмпедокла»: отдельные органы уже появляются, но еще нет нового организма, способного стать дополнением к старому и рядом с ним (ибо внутри старого организма новые органы отторгаются).

Харламов А.В.:

Примеров очень много. Самым наглядным примером может служить сформировавшееся международное Internet-сообщество. Скорее это даже пример системы институтов со своими правилами взаимодействия, этикетом, за относительно короткий срок сформировавшимися обычаями и традициями. Кстати, процесс его формирования ещё не завершён, что открывает большое поле деятельности для исследований в этой области.

Что касается институтов в науке и гуманитарной мысли, то за истекшее столетие их тоже сформировалось достаточно много. Возьмите любое философское движение и вы найдёте определённый социальный институт, участники которого используют свои речевые штампы, свой (понятный для одних и не очень понятный для других) язык общения, собственные учреждения и места локализации: Франкфуртская философская школа, Тартусско-Московская семиотическая школа, Школа «Диалога культур», Школа Г.П.Щедровицкого и т.д.

3. Можно ли говорить об институционализации антропологии? Или это не более чем метафора? Есть ли специфика формирования институтов по современной практике мышления о человеке?

Смирнов И.П.:

Государство не может быть *per definitionem* заинтересовано в решении общечеловеческих проблем. Оно сужает человека до себе подданного. В своем максимальном – тоталитарном – выражении государство редуцирует антропологическое по расовому или классовому признаку. В лучшем (для антропологизма) случае, каковым являются империи, государство хотя бы не мешает развитию науки о человеке. Не случайно этнология берет разгон в процессе колонизации американского континента. Понятно отсюда, почему философская антропология как самостоятельная дисциплина складывается в эпоху Возрождения. Точно так же не случайно и то обстоятельство, что страны классического империализма, Великобритания и Франция, создали великие этно-антропологические научные школы. Университеты с их многопрофильными гносеологическими интересами оказываются в известном смысле коррелятами империалистической политики, перенесенной в область науки. Уже первые европейские университеты были интернациональны. Философская антропология институционализируется именно в этих империях знания. Такого рода институционализация, как и любая бюрократическая активность, минимизирует творческую потенцию человека, в случае философской антропологии долженствующего думать о самом себе. Философская антропология в академическом исполнении креативна лишь постольку, поскольку она предлагает новые интерпретации уже известного, сказанного. Но она не вещает миру сама небывалую прежде истину. Cyberspace открывает возможность для деинституционализации resp. трансинституционализации философской антропологии.

Ивонин Ю.П.:

Специфика есть, и она связана с пограничным и междисциплинарным положением антропологии. Это судьба многих комплексных отраслей знания. На мой взгляд, у антропологии пока не сложился свой предмет исследования, да и объект – не очевиден. Поэтому стандарты научности в антропологии снижены по сравнению с другими гуманитарными институтами (где они вовсе не велики). Всегда есть соблазн объявить себя антропологом, если, скажем, в философии или психологии к тебе относятся с иронией. С другой стороны, в этом пограничье соединяются идеи, которые никогда бы не «встретились» при жестком дисциплинировании. В конце концов, если

верить Гегелю, истина начинается как ересь. Так что кличка – «дикие и дерзкие» (философы, антропологи...) – не такая уж и уничижительная. Мне думается, что современная антропология – это тематическое, но разнопредметное образование, что есть признак ее молодости и перспективности.

Тульчинский Г.Л.:

Антропология у нас и за рубежом – разные научные институции. У нас это расоведение, формы черепа и т.п. Философская антропология еще не оформилась, а теперь и непонятны перспективы не только антропологии. Все съехало, оседает и рассасывается. Но это беда общенациональная.

Что же до цивилизационного масштаба, то и там институционализация приобретает все более горизонтальный, сетевой, характер. Проблематичен сам институт человека и личности. Кто это? Где это? Когда это? Какая идея лежит в основе? Помимо прочего, это и есть главная тема гуманитарной экспертизы.

Тыщенко В.П.:

Об институционализации антропологии говорить нужно. Но я бы брал не один полюс, а диполь: говорить также следует об антропологизации институтов. Причем не только образовательных. В некотором смысле заказчиком станут гуманитаризированные институты, а подрядчиком – институционализированная антропология. Конкретнее и с уточнением словаря. Вместе с привычным словосочетанием (антропология) в наше подсознание, минуя цензуру, то есть не критически проникают устаревшие архетипы, делающие нас одержимыми. «Антропология» – дважды маскулинный термин Постпатриархального словаря: Антропос – он. Логос – тоже он. Следовательно, антропологизация – термин, который может служить лишь целям адаптации и мужчин, и женщин к агонии патриархата. Самоактуализация и мужчин, и женщин неплохо передается термином андрогинизация.

Обозначим вслед за Кирдиной¹ женский тип экономической основы общества через X, а мужской – через Y (имея в виду, что генотип женщин содержит XX хромосомы, а мужской – XY хромосомы). Дополнительно обозначим маленькими буквами, что провалы Y экономики компенсируются x-средствами, а провалы X-экономики y-средствами. Соответственно мы получим обозначение андрогинизации мужчин (Yx) и женщин (Xy). Сила неклассического Физтеха была в соединении теоретических исследований с практикой, слабость – в том, что познание, проектирование и эксплуатация объектов (технических систем) были оторваны от самопознания, самоисцеления субъектов. А без этого трудно говорить о дружеских отношениях проектировщиков с реализаторами. Моделью отношений в этом случае скорее будет зачатие путем изнасилования, чем по любви. Постнеклассический, проблемно-междисциплинарный ФизТех за счет его дополнения МедПедом и станет проектно-реализаторским университетом, включающим в себя уже не четыре, а как минимум пять процессов: обучение, технологии, исследование, проектирование, подготовка и работа групп реализации из числа выпускников. Но и это не предел: в «Теории старения машин» было отмечено, что требуется еще вовремя реализованные проекты снимать с эксплуатации. Одна из первых ОДИ была проведена по заказу Белоярской АЭС именно потому, что когда первый реактор выработал свой ресурс, стало ясно, что никому не ясно, что с ним делать.

¹ Кирдина С.Г. X и Y экономики. Институциональный анализ. – М.: Наука, 2004.

Харламов А.В.:

Говорить в общем можно о чём угодно. Скорее вопрос следует сформулировать иначе: «Институционализована ли антропология? И если да, то как именно?». И вопрос этот не праздный.

Если обозначить таким вот образом антропологию в целом, то понятно, что нет. Поскольку среди огромного множества специальных и региональных антропологий, до целостного мышления о человеке с учётом всего богатства наработанной научной, методологической и метафизической базы философская мысль ещё не дошла. В этом смысле мы действительно живём в эпоху «нового средневековья» (по выражению Н.Бердяева, У.Эко и др.) и только чаем предвестия «нового Возрождения», которое позволит совершить мировоззренческий синтез на базе энциклопедического роста.

Если же говорить об институционализации антропологий, то тогда это не метафора. Такого рода институты присутствуют и в реальном общении (поскольку в большинстве своём люди продолжают задаваться вопросами собственного бытия, человеческой природы) и в виртуальном, сетевом (взять хотя бы известный Питерский сайт www.anthropology.ru). Вопрос лишь заключается в том, каковы последствия институционализации антропологии. Ибо спецификой формирования антропологических институтов как раз и является необходимость для их создателей «усидеть сразу на нескольких стульях», ибо человек оказывается не только объектом, но и субъектом подобного рода информационного взаимодействия, при том многомерным, а значит требующим особой «продвинутой» в культурном плане.

Тюрин П.Т. (профессор Балтийского Русского Университета, Рига, Латвийская Республика):

«Институционализацию антропологии», в общем виде, я понимаю как презентацию вовне субъективного опыта, воплощенного в его отличительных признаках и претендующего на рядоположенность в системе культуры.

Устойчивость институционализации новых культурных форм, их роль, глубина проникновения и степень влияния на уже существующие определяется не только их связью и согласованностью с другими, но, прежде всего, их местом в иерархии культурных ценностей.

Актуальной задачей, на мой взгляд, является уточнение аксиологических принципов, содержащихся и действующих в той или иной культуре с целью разработки модели их сравнительной ценности – модели «иерархии культур»; разные культуры могут быть описаны не только с точки зрения их самодостаточности (что свойственно релятивистскому подходу), но и подвергнуты анализу с позиций того, в какой мере данная культура выражает и характеризует феномен человека в его основных измерениях, насколько представляет и соответствует субъективности человека в его предельных состояниях.

С одной стороны, это разрушило бы парадигму «равноправия культур», а с другой, позволило бы человеку более осознанно ориентироваться в своих предпочтениях и самоопределениях.

4. Кто из современных авторов с вашей точки зрения наиболее активно занимается именно проблематикой институционализации антропологии и гуманитарной мысли в целом?

Смирнов И.П.:

По-моему, самые интересные работы наших дней по философской антропологии (Maurice Godelier, Peter Sloterdijk, Giorgio Agamben и др.) возникли вне жестких институциональных рамок.

Ивонин Ю.П.:

Внимания к этому мало, все заняты наработкой каких-то содержательных построений, не задумываясь, в какой предметной области окажутся получаемые результаты. Самое прискорбное, что такая же картина и в философской антропологии, где методологичность построений должна бы присутствовать «по чину».

Тыщенко В.П.:

Вопрос я понимаю так: кто у нас Гумбольдт постнеклассического университета? Замечу, что составители «Языка и философии культуры» Гумбольдта удачно разделили его работы по двум частям: 1. Философская антропология, 2. От антропологии к лингвистике. Если в первой части мы находим статью «О различии между полами...», то во второй – «Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков». Я думаю, что искомым Гумбольдт XXI века объединит эти две проблематики. Пояснить эту мысль я могу книгой В.Е.Еремеева «Символы и числа «Книги перемен». Из 64 гексаграмм первые две как раз посвящены противоположности Энергии и Податливости. Эта пара наиболее популярна в виде отношения Ян и Инь, в нашем случае она представлена отношением ФизТеха, который готовил кадры для прорыва в область технологии космических войн, и будущего МедПеда, который помог бы всем, кто нуждается в исцелении от последствий этого прорыва – овладеть культурой самоисцеления. Остальные 62 гексаграммы посвящены всем формально возможным в рамках этой арифмосемиотической модели формам взаимопроникновения, синергии этих полюсов. Арифмосемиотика – имя, предлагаемое Еремеевым, в отличие от Кобзева, который называет ее нумерологией и говорит о том, что на Западе методология подавила нумерологию, а на Востоке – наоборот. Какое имя утвердится – покажет время. Но Еремеев прав, когда говорит, что «если современные интеллектуалы когда-нибудь попытаются реализовать идею «универсальной знаковой системы», то лучшего прототипа, чем древнекитайская арифмосемиотика (по Кобзеву – нумерология) им не найти во всей истории человеческой мысли. Так может быть построен в дополнение к Постпатриархатному словарю – Протословарь андрогинизации институтов.

Харламов А.В.:

Честно говоря, авторов, специально занимающихся проблематикой институционализации антропологии, назвать не берусь. С одной стороны, потому что, как мне кажется, авторы данной проблемой не озабочены.

То есть те авторы, которые пишут и публикуют свои работы, делают это в уже «институционализированных» формах научных журналов.

А само издание подобных журналов оказывается делом научных редакторов и менеджеров, изыскивающих средства для их публикации и добывающихся их научного признания, немаловажную роль в котором далеко не всегда играет содержательная значимость. Нередко значимая роль определяется тиражом.

Научно-философской проблематикой институционализации антропологии в этом смысле занимаются все, кто пишет о человеке и не занимается никто в отдельности.

Что касается гуманитарной мысли в целом, то именно «в целом» гуманитарной мысли как раз на сегодняшний день и не существует.

Интервью провел С.А. Смирнов